

А.М. Лобода

Русский богатырский эпос

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.М. Лобода**
Русский богатырский эпос / А.М. Лобода – М.: Книга по Требованию, 2011. –
243 с.

ISBN 978-5-4241-8673-8

ISBN 978-5-4241-8673-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе есть студенческая работа на предложенную Историко-Филологическимъ Факультетомъ Университета св. Владиміра тему: „Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу“.

Такой обзоръ, въ видѣ свода всего, что сдѣлано до сихъ поръ по данному вопросу, одному изъ важнѣйшихъ въ исторіи р. словесности, несомнѣнно отвѣчаетъ потребностямъ времени; и можно отмѣтить уже нѣсколько попытокъ удовлетворить этой потребности. Назову, прежде всего, извѣстную Исторію р. этнографіи, А. Н. Пыпина, и повдѣйшія его статьи въ Вѣстникѣ Европы 1896 года: Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ. Повидимому, широко задуманъ трудъ г. Máchal'a: O bohatýrském epose slovanském. Část první: Přehled látek v bohatýrském epose slovanském. V Praze 1894. Почти половину Přehled'a занимаетъ обзоръ содержанія р. былинъ со сводомъ мнѣній, существующихъ по поводу разсматриваемыхъ авторомъ сказаній и мотивовъ, и съ объяснительными замѣчаніями самого автора, касающимися какъ общаго положенія фольклора въ Россіи, такъ и отдѣльныхъ вопросовъ. Наконецъ, укажу обстоятельное общее разсмотрѣніе былинъ со стороны ихъ содержанія и отчасти формы во Введеніи въ Исторію Р. Словесности, проф. П. В. Владимірова. Я не имѣю въ виду умалить значеніе названныхъ трудовъ, которымъ я самъ много обязанъ,—особенно болѣе ранней Исторіи р. этнографіи, но позволю себѣ отмѣтить отсутствіе въ нихъ подробной библіографіи и нѣкоторое игнорированіе многихъ вопросовъ изъ числа тѣхъ, которымъ у меня отведено мѣсто въ первомъ и второмъ отдѣлахъ. Я попытался восполнить этотъ пробѣлъ и, оставивъ въ сторонѣ самое содержаніе былинъ, охватить если не всѣ

VI

прочіе вопросы, входящіе въ область р. богатырскаго эпоса, то, по крайней мѣрѣ, побольше ихъ. Насколько мнѣ это удалось, дѣло другое; но замѣчу, что и самъ я на свою работу смотрю, лишь какъ на подготовительный опытъ подобнаго рода работъ,—тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось ограничиться только тѣмъ матеріаломъ, какой можно было добыть въ Кіевѣ.

За дорогое мнѣ вниманіе и поддержку, оказанныя мнѣ въ занятіяхъ, выражаю глубокую признательность: проф. П. В. Владимірову, съ рѣдкимъ участіемъ и предупредительностью руководившему моими занятіями, проф. Н. П. Дашкевичу, цѣнныя замѣчанія и указанія котораго служили мнѣ незамѣнимымъ пособіемъ, проф. Т. Д. Флоринскому и проф. П. В. Голубовскому.

Особая моя благодарность дорогимъ товарищамъ, М. В. Довнаръ-Запольскому и М. Н. Марковскому, за ихъ дружеское содѣйствіе.

А. Лобода.

Русскій богатырскій эпосъ въ отношеніи историко-литературному.

I. Русскій былевой эпосъ и его видъ (былина-старина), дѣленіе былинъ, герои былинъ (богатырь, половецъ, витязь, храбръ).

Въ большинствѣ случаевъ съ эпосомъ индоевропейскихъ народовъ приходится знакомиться не по первоисточникамъ, не непосредственно изъ устъ народа, а по болѣе или менѣе литературнымъ обработкамъ и даже переработкамъ его. Назовемъ Книгу царей, Илиаду и Одиссею, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги и др. Не то мы замѣчаемъ у славянскихъ народовъ, въ частности у русскихъ. Со своимъ народнымъ эпосомъ мы имѣли возможность познакомиться прямо изъ устъ народа, такъ какъ если у русскаго народа въ настоящее время изсякла былая творческая производительность, то все же не забылись еще созданные въ дни расцвѣта послѣдней высокохудожественные образы.

Сохраненіе народнаго эпоса до настоящаго времени въ живой народной передачѣ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что благодаря этому чище и рѣзче могли удержаться духъ и черты подлинной, не прикрашенной народности, въ литературныхъ обработкахъ всегда нѣсколько сглаживающейся и подчасъ даже подчиняющейся различнымъ литературнымъ вліяніямъ, направленіямъ и модамъ. Всякая обработка, даже самая осторожная и добросовѣстная, налагаетъ на произведеніе печать искусственности, предвзятости; русскія народныя эпическія пѣсни, за очень и очень ничтожными исключеніями, чужды этихъ качествъ и вольно и плавно льются, отражая въ себѣ долготѣнную жизнь русскаго народа со всѣми ея горестями и радостями. Подъ таинственнымъ покровомъ поэтической передачи предъ нашимъ взоромъ вырисовываются очертанія многихъ вѣковъ русской исторіи, отмѣчавшіяся какъ созданіемъ новыхъ

пѣсенъ, сопровождавшихъ всякое крупное событіе вплоть по 19-е столѣтіе, такъ и отдѣльными наслоеніями на старыхъ, равнѣ сложившихся пѣсняхъ. Въ общемъ получается цѣльная, замѣчательная по своему богатству и разнообразію, картина внутреннихъ и вѣшнихъ отношеній Руси, ея идеаловъ, культурныхъ общеній,—неписаная исторія, не признающая хронологіи и съ своеобразными приѣмами изложенія, но тѣмъ не менѣе полная внутренней правды!

Въ своемъ настоящемъ видѣ русскій былевой эпосъ представляетъ рядъ отдѣльныхъ пѣсенъ, которыя теперь обыкновенно носятъ названіе былинь. Впрочемъ, такъ называются онѣ преимущественно въ литературѣ, и въ народѣ, повидимому, это названіе не распространено. „Въ наше время“, замѣчаетъ Е. В. Барсовъ¹⁾: „имя *былина* искусственно придано богатырскимъ пѣснямъ, которыя въ Олонецкой губ., этомъ родникѣ эпического творчества, отнюдь не называютъ былинами. Обычное народное ихъ названіе *старина* или *старинка*“. Подобное заявленіе изслѣдователя, близко знакомаго съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ говоритъ, заслуживаетъ полного вниманія. Къ сожалѣнію, ни Рыбникова, ни Гильфердинга вопросъ о названіи того, что пѣлось предъ ними, повидимому не интересовалъ, вслѣдствіе чего прямыхъ указаній по данному вопросу у нихъ не находится. Въ замѣткахъ по поводу своихъ сборниковъ и Рыбниковъ, и Гильфердингъ употребляютъ оба названія. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи не трудно подмѣтить, что слово „былина“ употребляется изслѣдователями, какъ готовый литературный терминъ для обозначенія извѣстнаго рода пѣсенъ,—въ то время какъ „старина“ составляетъ рѣзкую мѣстную особенность, которую Гильфердингъ даже отмѣчаетъ употребленіемъ кавычекъ. И почти вездѣ, гдѣ только Рыбниковъ и Гильфердингъ (особенно второй) хотятъ употребить народное выраженіе, тамъ всегда они ставятъ слово „старина“.—Стоитъ, наконецъ, обратить вниманіе и на тотъ фактъ, что ни въ одной богатырской или исторической пѣснѣ не упоминается о „былинахъ“, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно широко распространенное выраженіе:

„То старина, то и дѣянье!“

Какъ ясно обозначеніе особаго рода пѣсенъ, слово *былина* въ древней письменности нигдѣ не встрѣчается. Правда, Л. Майковъ²⁾ ссылается на извѣстный запѣвъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и на соответствующее мѣсто въ Задонщинѣ; это повторилъ и О. Миллеръ³⁾. Однако, прежде всего Задонщину нужно оставить въ сто-

¹⁾ Слово о Полку Игоревѣ, III, стр. 62.

²⁾ „О былинахъ Владимірова дѣла“ стр. 29.

³⁾ „Исторія р. словесности“ Галахова, цит. по изд. 1894 г., стр. 17.

ронѣ, такъ-какъ выраженіе въ ней „по дѣламъ и по былинамъ“ явилось, очевидно, не изъ народнаго источника, а въ видѣ простой перефразировки Слова о Полку Игоревѣ. Что же касается этого послѣдняго памятника, то вѣдь еще далеко не всѣ изслѣдователи согласны подъ „былинами“—въ немъ разумѣть именно такія пѣсни, какія теперь носятъ это имя ¹⁾.

Обращаясь къ первымъ записямъ былинъ, мы видимъ, что Барсовскій текстъ носить названіе *Сказанія, Богатырскаго Слова*. „Сказаніе“, „исторія“, „повѣсть“—вотъ общія названія, подъ которыми въ рукописныхъ сборникахъ 17—18 вѣка записаны отрывки богатырскаго эпоса; на слово „былина“ въ нихъ нѣтъ даже намека.

Татищевъ знаетъ „пѣсни старинныя“, что какъ-разъ напоминаетъ „старину“ ²⁾. Демидовъ, съ именемъ котораго у насъ связывается первый изданный сборникъ богатырскихъ пѣсень, въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ историку Миллеру выражается: „я досталъ (раз. пѣсня—въ сб. Кирши № XLIII) отъ сибирскихъ людей, которые пропешную *исторію* поютъ на голосу“ ³⁾.

Насколько намъ извѣстно, не употребляется обозначеніе „былина“ и въ различныхъ пѣсенникахъ 18—19 вв. Нѣчто подходящее находимъ мы у Дмитріева (1796 годъ), въ сборникѣ котораго есть разрядъ пѣсень темничныхъ и *былевыхъ*. Но пѣсни, помѣщенные подъ этой рубрикой, не совсѣмъ подходятъ подъ тѣ, которыя мы привыкли называть былинами, да и вообще уже самый терминъ „былевая пѣсня“ отзывается дѣланностью и врядъ-ли можетъ претендовать на народное происхожденіе.

Не лишнее замѣтить, что и приведенный въ 1-мъ изданіи Слова о Полку Игоревѣ отрывокъ пѣсни, о которомъ у насъ еще будетъ рѣчь, не носятъ названія былинны.

Въ изданіяхъ Якубовича и Калайдовича также отсутствуетъ обозначеніе пѣсень былинами.—„Древнія или, лучше сказать, *старинныя* россійскія стихотворенія“—такъ ихъ называетъ Калайдовичъ. Калайдовичъ, видимо, самъ не зналъ, на какомъ названіи остановиться. Озаглавивъ издаваемые имъ пѣсни „древними россійскими стихотвореніями“, въ предисловіи онъ ихъ называетъ иногда просто „пѣсами“, а не то „народными сказками“.

Петръ Васильевичъ Кирѣенскій строго придерживался обозна-

¹⁾ Ср. „Слово о Полку Игоревѣ“ Е. В. Барсова, III т., стр. 62 и д.

²⁾ См. „Исторію“, т. I, стр. 50, пр. 45.

³⁾ См. письмо, нап. чатанное проф. Шевыревымъ въ Москвитинѣхъ 54 года № 1 и 2, отд. IV.

ченія: „историческія пѣсни“—и не хотѣлъ знать никакихъ другихъ названій ¹⁾).

Въ „Пѣсняхъ русскаго народа“ Сахарова ²⁾ впервые появляется терминъ „былины русскихъ людей“. Сахаровъ увѣрялъ, что онъ печатаетъ свои былины по рукописи нѣкоего купца Бѣльскаго; но, какъ мы будемъ имѣть случай далѣе говорить объ этомъ подробнѣе, рукопись Бѣльскаго есть вымыселъ самого Сахарова, и былины, напечатанныя будто-бы изъ этой рукописи,—не болѣе какъ перепечатка Кириши Данилова. На даю Сахарова можно оставить лишь введеніе новаго обозначенія богатырскихъ пѣсенъ, которое до того времени не было въ обращеніи. Самъ же Сахаровъ, по всему вѣроятію, слово „былина“ заимствовалъ изъ Слова о Полку Игоревѣ. Нововведеніе, во-первыхъ, представляло для Сахарова ту выгоду, что служило прикрытіемъ его грубаго заимствованія, а, во-вторыхъ, какъ-разъ удовлетворяло пристрастію его въ разнаго рода, якобы чисто народнымъ, исконнымъ русскимъ словечкамъ.

На первыхъ порахъ „былина“ не получила широкаго распространенія. Мы указывали уже взгляды П. В. Кирѣевскаго; быть можетъ, не безъ вліянія его чуждались новаго обозначенія К. Аксаковъ и Хомяковъ. Лишь со второй половины текущаго столѣтія слово „былина“ вошло во всеобщее употребленіе, хотя Безсоновъ придерживался еще обозначенія: „Пѣсни былевья“.

Въ нашей литературѣ, особенно учебной, различаются собственно былины и историческія пѣсни, что имѣетъ свое основаніе: и былины, правда, въ значительной степени основываются на историческихъ фактахъ, но эта историческая основа ихъ сильно затемнена посторонними наслоеніями и элементомъ сверхъестественнаго, фантастическаго; восходя многими своими чертами къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ русской исторіи, помня еще Владиміра Св., а можетъ быть,—и его предковъ, былины въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній являлись отзвукомъ славнаго былого, минувшаго величія, приобрѣтали особую цѣну, рѣдкое обаяніе; утративъ живую, непосредственную связь съ событіями, вызывавшими ихъ появленіе, былины приобрѣтали болѣе спокойный величавый характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ становились доступнѣе для внѣшнихъ воздѣйствій и позднѣйшихъ бытовыхъ наслоеній. Въ историческихъ пѣсняхъ сильнѣе и рельефнѣе выступаетъ элементъ историческій—въ опредѣленныхъ историческихъ

---

¹⁾ См. „Кое-что объ изданіи Безсоновымъ народныхъ стиховъ и пѣсенъ“, П. Якушкина—собраніе сочиненій стр. 462—480; также Вступленіе къ былевьямъ пѣснямъ П. В. Кирѣевскаго. „Пѣсни, собр. П. В. Кир.“ I вып., стр. IV.

²⁾ Часть 5-я, изд. 1839 года.

событіяхъ, лицахъ, обстановкѣ; пѣсня историческая — болѣе устойчива и не такъ спокойна и объективна, какъ былина; звуки исторической пѣсни слышатся въ былинѣ о Калинѣ, собственно же историческая пѣсня начинается съ такихъ пѣсенъ, какъ о Шелканѣ и др.

Русскій былевой эпосъ во всемъ своемъ цѣломъ до сихъ поръ не былъ подвергнутъ систематическому пересмотру, и до сихъ поръ остается не подведеннымъ подъ строго опредѣленныя отдѣльныя группы. Нѣкоторую попытку съ этомъ родѣ представляютъ издательскіе труды Безсонова, о которыхъ придется еще говорить. Л. Н. Майковъ¹⁾ намѣтилъ 4 главныхъ цикла: Владиміровъ, Новгородскій, Московскій или царскій и казацкій; съ 18-го вѣка историческія воспоминанія народа начинаютъ облекаться въ форму военныхъ и солдатскихъ пѣсенъ. Основаніе дѣленія — взгляды, что „былины по своему *содержанію* соотвѣтствуютъ нѣсколькимъ, постепенно смѣнявшимся, періодамъ исторической жизни русскаго народа“. Дѣленіе типа Л. Майкова съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и дополненіями господствовало до самаго послѣдняго времени, но насколько оно шатко, видно изъ того, что самъ же Л. Майковъ долженъ былъ выдѣлять цѣлый рядъ былинъ: о Святоторѣ, Микулѣ, Волхѣ, двухъ Лививахъ, князѣ Романѣ, Михайлѣ и др., какъ не подходящихъ ни подъ одинъ циклъ. Правда, Святогора, Микулу и др. под. К. Авсаковъ называлъ *старшими* богатырями и помѣщалъ ихъ до Владиміра, что усвоили Ф. И. Буслаевъ, О. Миллеръ и др., но такое толкованіе совершенно основательно не удовлетворяло Л. Майкова, ибо, замѣчалъ онъ, нынѣшній текстъ былинъ объ этихъ богатыряхъ представляетъ слишкомъ много слѣдовъ позднѣйшаго вліанія. Послѣдующія изслѣдованія, особенно А. Н. Веселовскаго, показали, что и въ большинствѣ другихъ былинъ перекрещивается такая масса разнородныхъ наслоеній, что приурочить эти былины по содержанію въ какому-нибудь опредѣленному времени — не такъ-то легко, по крайней мѣрѣ, пока не закончатся разработка нашего эпоса. Тогда г. Халанскій предложилъ принять за основаніе дѣленія *время* сложенія былинъ²⁾. Но подобное основаніе способно только еще болѣе запутать вопросъ. Наконецъ, Вс. Миллеръ, обративъ вниманіе на слабость циклизаціи въ нашемъ эпосѣ и на неординарный характеръ самыхъ былинъ, выдвигаетъ, какъ основаніе дѣленія, именно этотъ послѣдній критерій и различаетъ богатырскія былины и фабліо³⁾. Такое дѣленіе удобно тѣмъ, что сразу же выдѣ-

¹⁾ О былинахъ Владимірова цикла, стр. 1—3.

²⁾ Великорусскія былины, стр. 14.

³⁾ „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“, Ж. М. Н. Пр. 1894 г., стр. 68—69.

ляетъ ядро русскаго былевого эпоса—его дружинно-боевой элементъ, но и оно не можетъ быть вполне развито и примѣнено до окончанія анализа былинныхъ сюжетовъ, а пока едва-ли не самое лучшее—довольствоваться группировкой былинь по ихъ героямъ.

Въ настоящемъ своемъ трудѣ мы, совершенно оставляя въ сторонѣ историческія пѣсни, преимущественно имѣемъ въ виду богатырскія былины, т. е. вращающіяся въ сферѣ не бытовыхъ отношеній, а борьбы съ врагами Руси.

Герои этихъ былинь обыкновенно носятъ названіе *богатырей*, рѣже *поленницъ*, *витязей*. Названія эти, теперь достаточно выясненыя, въ свое время вызвали не мало болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній и служили предметомъ спора.

Ө. И. Буслаевъ въ одной изъ своихъ раннихъ работъ такъ объяснялъ ихъ: „*богатырь* происходитъ отъ слова *богъ*, черезъ прилагательное *богатъ*, и собственно значить существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой, происшедшій отъ *бога*. Только мнѣшескіе великаны, въ родѣ Святогора и Микулы Селяниновича, въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ могли называться божественными, т. е. *богатырями*. Младшее поколѣніе наследовало отъ нихъ это имя уже по преданію и называлось имъ въ эпосѣ по старой привычкѣ... Итакъ, *богатырь* есть не что иное, какъ собственно русское названіе тѣхъ же существъ, которыя въ сербскомъ эпосѣ слывуть подъ общимъ индоевропейскимъ именемъ *дивовъ*“.

Точно также и слово *витязь*, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятія о героѣ времени князя Владиміра. Слово *витязь* первоначально означаетъ мудраго и судью. (Къ этому г. Буслаевъ дѣлаетъ примѣчаніе, что того же корня готское *vithiggs*, др-верх-нѣм. *vitig*, откуда потомъ новое *witzig*. Англосаксонское *vita*—мудрый, во множественномъ числѣ *vitap*—судьи. Потомъ слово *витини* употреблялось въ смыслѣ благородныхъ, воиновъ, морскихъ наѣздниковъ).

Гораздо точнѣе выражаетъ мысль о русскомъ героѣ самой ранней исторической эпохи слово *поленница*, которымъ называется и воинъ, и героиня, промышленяющая богатырскими подвигами. *Поленница* значить не только развѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ сербскомъ слова *полянъ* и *поляръ* употребляются въ смыслѣ *полевого сторожа*... Названіе *поленница* стоитъ въ связи съ именемъ *полянъ* и *поляковъ*¹⁾.

Ср. Примѣчаніе издателя пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ²⁾:

¹⁾ Русский богатырский эпосъ. Р. Вѣстникъ, 1862 г. т. 41, стр. 80—81.

²⁾ Т. 1 стр. 27.

„*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскает по полю ради подвигъ“. Такъ же и въ словарь Дала. Гильфердингъ, однако, находилъ такое толкованіе неправильнымъ и утверждалъ, что подъ поленицей подразумѣвается богатырь-женщина въ отличіе отъ собственно богатырей — мужчинъ. По указанію Гильфердинга, такъ именно объясняютъ данное слово на сѣверѣ Олопецкой губ. Но, повидимому, такое различіе между богатыремъ и поленицей не вездѣ строго соблюдается. Такъ, у Гильфердинга, стр. 1047, поленицей названъ сынъ Ильи; или въ „Р. былинахъ старой и новой записи“, стр. 14, особенно см. примѣчаніе къ сл. *поляница*: „т. е. въ полѣ ѣздили, какъ объяснилъ пѣвецъ, причемъ онъ утверждалъ, что полевали лишь мужчины“; или *ibid*, стр. 108, ст. 301 и др. Съ другой стороны, и женщина воительница не всегда и вездѣ называется поленицей. Такъ, въ былинѣ о Дунаѣ въ сб. Кирѣвскаго, вып. III, стр. 66, Настасья королевична названа богатыремъ, ср. Рыбникова т. II, стр. 48, Гильфердинга стр. 611—612.

Такимъ образомъ, необходимо еще доказать, что фактъ, подмѣченный Гильфердингомъ, существовалъ искони повсюду и лишь съ теченіемъ времени началъ сглаживаться въ сознаніи народномъ; это, однако, остается не доказаннымъ, а потому и къ замѣчанію Гильфердинга приходится относиться, по меньшей мѣрѣ, весьма осторожно.

Этимологія слова „поленица“, какъ мы видимъ ее у г. Буслаева, должна быть пополнена указаніемъ г. Халанскаго, который сближаетъ отмѣченное Срезневскимъ др.-русское обозначеніе гиганта — *полоникъ (полникъ, исполникъ)* съ былиннымъ — *поленица*. Впрочемъ, намъ представляется не особенно убѣдительнымъ утвержденіе г. Халанскаго, что именно народная форма *поленица* возникла подъ влияніемъ соотвѣтствующей книжной. Если только между этими двумя формами существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ простое случайное созвучіе, то не вѣроятнѣе-ли, что книжная форма, которую Срезневскій относилъ къ разряду чисто русскихъ словъ, появилась подъ влияніемъ народной, а не наоборотъ.

Что касается слова *витязь*, то прежде всего необходимо замѣтить, что оно едва-ли не исключительно встрѣчается въ былинѣ о гибели русскихъ богатырей — Кирѣвскій IV, 108, которую не разъ подправляли и „настраивали на ладъ русскихъ пѣсень“. У другихъ славянскихъ племенъ данное слово болѣе распространено, но тѣмъ не менѣе считать его чисто славянскимъ, какъ это дѣлалъ Миклопичъ, нельзя. Еще г. Буслаевъ, какъ выше было указано, привелъ западныя параллели „витязя“. Исходя изъ тѣхъ же западныхъ па-

раллелей, г. Великановъ въ особой замѣтѣ¹⁾ уже совершенно отрицаетъ славянское происхожденіе слова *витязь* и выводитъ его изъ скандинавскаго *viking*: *викинг*=*витинг*=*витина*(ь)=*витаз*(ь)=*витазь*;—*миѣнне*, которое въ настоящее время, повидимому, признается безспорнымъ²⁾.

Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи слова *богатырь*. Объясненіе, котораго первоначально придерживался г. Буслаевъ, мы находимъ у Д. Щепина: „богатырь (кор. *bañu*) стоитъ въ тѣсной связи съ богатствомъ (*bañutañ*—изобиліе) и по смыслу корня значить собственно богато-одаренный, силами обильный³⁾“.

То же усвоилъ и О. Миллеръ: „*богатырь*—*богато-одаренный, силами обильный*, т. е. это слово одного корня съ *богатство*, а также и съ *богъ*, *божественный*; богатыри—это, стало быть, люди, одаренные *богатствомъ*, божественнымъ изобиліемъ силъ⁴⁾“. О. Миллеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ малорусскихъ сказкахъ попадаетъ слово „богатырь“ и, что особенно замѣчательно, именно въ смыслѣ богатаго. Можно прибавить, что то же отмѣчается и въ бѣлорусской словесности, но все же совпаденія эти еще не могутъ служить доказательствомъ туземности богатыря—героя.

Отмѣтимъ, наконецъ, что послѣ О. Миллера на славянскомъ происхожденіи богатыря особенно настаивалъ Квашнинъ—Самаринъ⁵⁾

Но, съ другой стороны, уже Даль въ своемъ словарѣ слово „богатырь“ отмѣчаетъ, какъ татарское. Шоттъ⁶⁾ указалъ на распространенность его отъ Угрии и Польши до тунгузовъ и отъ южной Персіи далеко за предѣлы Алтая. Самое слово Шоттъ возводилъ къ санскритскому „*bhadra*“=радостный, счастливый, отличный, ср. еще „*bhagadhara*“, но думалъ, что въ смыслѣ героя, вождя оно стало употребляться лишь подъ вліяніемъ монголовъ, хотя послѣдніе сами заимствовали его у персовъ.

Между тѣмъ, за разъясненіемъ спорнаго вопроса изслѣдователи обратились къ даннымъ русской исторіи, къ лѣтописямъ, а затѣмъ и къ памятникамъ древней письменности вообще. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ послѣднихъ и О. И. Буслаевъ отказался отъ своего первоначальнаго предположенія.

¹⁾ Филолог. Зап. 1880 г., в. III.

²⁾ Ср. Дашкевича, Былины объ Алешѣ Поповичѣ, стр. 9. Въ *Etymologisches Wörterbuch* Миклошича о *витазь* см. стр. 393, о *богатырь* стр. 16, 1886 г.

³⁾ Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія, в. II, М. 1861 г. стр. 36.

⁴⁾ Историческое обозрѣніе русской словесности, 2 изд., стр. 203 и „Илья Муромецъ“, XXIV.

⁵⁾ Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи, Бесѣда, 1871 г., V, стр. 237.

⁶⁾ *Monatsberichte der Berlin. Akademie*, 1868—Jul. 499—500.